DOI 10.24249/2309-9917-2026-79-5-103-109

А.А. Чубчев (Санкт-Петербург, Россия)

Диалектные проявления в тексте казачьей эпитафии XIX в. (на материале кладбищенских надписей ст. Екатериноградской)

Аннотация: В работе на основе материала эпитафий XIX в. и сопоставительных записей современной диалектной речи анализируются диалектные проявления в текстах казачьих поминальных надписей. Исследование фокусируется на фонетических чертах говора (твердость сонорного /р/, билабиальный /ў/, фрикативный /ɣ/, упрощение сочетаний, рефлексы аффрикат, прогрессивная ассимиляция по мягкости и др.), а также на морфологических и лексических особенностях, включая уникальную лексему ‘похесохтся’ и народные формы антропонимов. Выявленные факты сопоставляются с полевыми материалами и диалектными словарями. Делается вывод, что надписи фиксируют историческую форму говора, отдельные черты которого сохраняются в речи диалектоносителей. Перспективным направлением признано сравнительное изучение эпитафий разных терских станиц для определения интегральных диалектных черт терских говоров.

Ключевые слова: эпитафия, говоры терских казаков, историческая диалектология

A.A. Chubchev (St. Petersburg, Russia)

Dialectal Features in the Text of a 19th-Century Cossack Epitaph (Based on Graveyard Inscriptions from the Stanitsa Yekaterinogradskaya)

Abstract: The paper examines dialectal features manifested in Cossack commemorative inscriptions, based on 19th century epitaphs and comparative records of contemporary dialectal speech. The study focuses on phonetic characteristics of the local vernacular (hardness of the sonorant /r/, bilabial /ў/, fricative /ɣ/, simplification of consonant clusters, reflexes of affricates, progressive palatal assimilation, among others), alongside morphological and lexical peculiarities, including the unique lexical item ‘похесохтся’ and vernacular anthroponomical forms. The findings are compared with field data and dialect dictionaries. It is concluded that the inscriptions preserve a historical stage of the dialect, certain features of which are still retained in the speech of present-day dialect speakers. Comparative research on epitaphs from different Terek stanitsas is identified as a promising direction for establishing integral dialectal traits common to the Terek Cossack dialects.

Key words: epitaph, dialects of Terek Cossacks, historical dialectology

В рамках экспедиции по казачьим поселениям Северного Кавказа, в частности во время поездки в ст. Екатериноградскую (Прохладненский р-н, КБР), удалось собрать меморативные надписи XIX в. на старом кладбище наряду с диалектологическими записями непринужденной речи казачек. Надписи, выполненные местным автором-резчиком с ориентацией на церковнославянскую графическую традицию, представляют исследовательский интерес, так как имеют диалектные единицы. Наблюдения за диалектными проявлениями в текстах эпитафий позволяют судить об отдельных чертах говора станицы в его исторической форме бытования.

Отметим фонетические изменения в области консонантизма. Имя собственное **Марья** в памят. №1, выраженной в форме вин. пад., имеет написание **Мѧръю**. В слове после сонорного согласного [р]/[рʹ] пишется редуцированный гласный *ер*. В современном русском литературном языке в выбранном слове сонорный звук реализуется только как палатализованный. Ср. с фонетически схожими антропонимами: *Дарья*, *Марьяна*, *Валерия*.

Если обратиться к древним памятникам письменности, то мы также не встретим формы написания слова с *ером* вместо *еря*. В образцах старорусского языка

трижды находим упоминание имени *Марья*: *вдва Марьица Евсевьева дочь* [Котков 1968: 116], *да дочь Марю снъ девяти* [Котков 1968: 117], *кнгни Марьи Ильичны* [Котков 1968: 151]. Укажем на то, что в народной форме *Марьица* и в официальной форме *Марья* отсутствует мена редуцированных гласных. Очевидно, постановка *ера* в имени собственном обуславливается не графической манерой резчика, а фонетическим аспектом говора.

Одной из черт консонантизма говора ст. Екатериноградской является твердое непоследовательное произношение сонорного [р] с переднерядными гласными. Приведем примеры, взятые из диалога с казачкой Гайворонской Е.А. (1940 г.р.): 1) // *папа́ла я сюда́* [в дом, в станицу] / *со́ракчыты́ры у́ода атрабо́тала на пти́чьники*; 2) // *да́жэ ни разриша́ли прижа́ть / ну́жын был вы́заф // там ни разрыща́ли пуска́ть*; 3) *Лауази́ха че-та свае там шыпта́ла / а я на тубарэ́тачке сижу́ / надамно́й во́дит ча́шу с вадо́й*; 4) *// бы́ли хто и врэ́т де́лали / чут ли ни калду́нии*; 5) *// сва́дьбы бы́ли / маладеш ни уля́лы са старыка́мы //* и т. д.

Написание имени собственного с меной редуцированного гласного показывает твердость сонорного [р], сохранившегося в говоре. Обратим внимание, что в слове *Марья* сонорный твердый позиционно стоит перед йотом, хотя в связи с данными можно заключить, что в надписи и, возможно, в говоре палатальный позиционно устраняется.

В памят. №2 графема *омега*, выражает губно-зубной мягкий согласный [вʹ] (**оумwершаго**, **пьwемъ**). В словах графема понимается как символ, указывающий на продвинутость мягкой фонемы в говоре, что позволяет ее воспринимать как билабиальную мягкую фонему [ўʹ]. В говоре есть идентичные примеры. В речи Шатавы И.П. (1935 г.р.) встречаем непоследовательный билабиальный мягкий согласный перед переднерядными гласными: 1) иди́те / ана́ ж то́жы нарыжа́ит / *Ива́нчьха / Мари́я ўи́хтарша*; 2) *// быва́ла так / шо уля́им на вичири́нках // дамо́й*

ни хади́ли / пря́ма с ўичири́нак на пти́чьник; 3) *// я ниўе́сту нарыжа́ла / дифчя́та пе́сню пе́ли / тут любы́ы пе́сни // пато́м ниве́сту наижу́ / за стол паса́дють / парежы́ть пираўи́ / дифча́т пакармю́ть*.

Знакомая, в первую очередь, южным говорам замена согласных [х]/[хв] на [ф] встречается в отыменном прилагательном **Хвѧрвѧровѧ** в памят. №6 от имени собственного *Фарвар* с помощью продуктивного суффикса -ов- притяжательного прилагательного. Проведем параллель с говором, где мена скорее угасающая черта говора, так как примеры немногочисленны: *хватаура́фии, с ками́ных хваро́т, хво́ртачька*. Укажем часто встречающиеся обратные случаи мены: *фа́тить, фарасти́ны* и т. д.

В говоре ст. Екатериноградской, как и в других южных говорах, на месте взрывного согласного [г] встречаем фрикативный [γ]. Приведем пример из рассказа о праздновании Старого Нового года Костюковой Н.В. (1958 г. р.): *бальшы́ы ма́льчики γаваря́т / сла́вица / сла́вица / γрафи́н падвыγа́ица / хазя́ин даγада́ица / сто́пачьку нальети мне паднисети*. В связи с книжной ориентацией местного резчика видим на месте согласного звука графическое *г*, кроме одного слова в памят. №8 **(186… х(о)д).** Полагаем, графема подчеркивает характер произнесения заднеязычного [γ] перед гласным как фрикативного, отраженного по оппозиции (звонкости/глухости) согласных и по средству выбора варианта из символов кириллического алфавита (*г–х*).

Слово *волжский* (**возтскаго**) (памят. №8) относится к наименованию казаков, проживающих на территории вдоль р. Волги. Как видно, написание слова в эпитафии исключает графему *л* и на месте графемы *ж* вырезается сочетание *зт*. Такое написание, во-первых, показывает упрощение сочетания согласный, когда язычный [л] устраняется в связи с удобством произношения: [л'ж'с'] – [ж'с']. Во-вторых, фонетическая замена [ж'] – [зт] является одновременно рефлексом твердого заднеязычного [г] с шипящим мягким [ж'] и твердым [ж]. Процесс фиксируется в РЭС [Аникин 2014: 125–127]. Благодаря сведениям в слове становится очевиден исторический переход из твердого заднеязычного согласного в мягкий свистящий перед гласными переднего ряда [*g] – [*(d)z'].

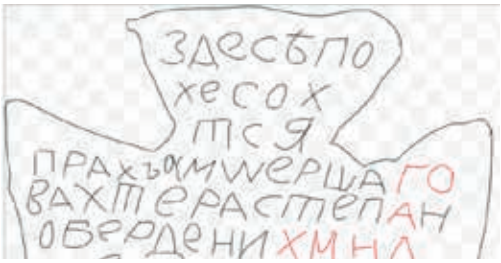
Слово *четверг* **(в Уотве(рг))** (памят. №8) имеет написание гласной *о* в корне под ударением, что показывает характер предшествующей аффрикаты. В этой связи укажем, что влияние на южные говоры украинских диалектов было и остается высоким, в связи с чем исконные западно-языковые черты сохраняются в говорах. Так, в Екатериноградском встречаем у отдельных диалектоносителей последовательное произношение твердой аффрикаты [ч] перед переднерядными гласными. Гайворонская Е.А. (1940 г. р.): 1) э́та ста́рыы лю́ди / ани́ абладда́ют да́рам / э́та дар чылавэ́ка // у ка́ждава чылавэ́ка што́та есть / но он и ни зна́ит да́жэ э́тава; 2) ива́нγили чыта́ют па мертвым / сра́зу свэ́чыра / на со́рак дней / на γот // чылавэ́к у́мир / вэ́чырам ана́ прихо́дит // та́хжэ приγлаша́ют на со́рак днэй и др.

В памят. №8 замечаем последовательное употребление на месте фонемы ['а] после мягкого согласного графемы *юс малый*. В словах **полкѧ**, **Фокѧ** графема проявляет южную диалектную черту – смягчение заднеязычного [к], что пози-

ционно дает звуковому строю слова прогрессивную ассимиляцию по мягкости и характерное [ˈа].

Поминальные надписи также отражают диалектные проявления в области морфологии и лексики. Фиксируем слово **годня (отъ родн(..))** (памят. №6), означающее в контексте ʽмомент времениʼ. Если это диалектное слово, выраженное им. существительное муж. рода в форме родит. пад. един. числ., попытаться привести к начальной форме, то интерпретация парадигмы склонения оказывается вариантной: а) *годнь* по модели субстантивного склонения-о мягкого подтипа (*jo); б) либо форма *годня* по модели несклоняемых им. существительного, что фиксирует «Словарь» [СРНГ, 6: 270].

В памят. №2 вырезано удивительное слово: **здесѣ похесохтся прахъ**. Такое слово не встретилось в экспедициях по станицам Северного Кавказа, и оно не фиксируется в диалектных лексикографических изданиях. При взгляде на единицу проблемными являются и формальный аспект единицы (перед нами одно или два слова?), и семантический аспект. Путь объяснения сложности этого слова, полагаем, лежит сначала в определении семантики.



Лексема **похесохтся** в найденном контексте реализуется со значением ‘схорониться, упокоиться’. По морфемной структуре слово состоит из двух корней -хе- и -сох-. Этимологически корень -хе- (-хер-) соответствует греч. *χαῖρε, но он не представлен широко в русских народных говорах, а значит, дает лексической единице только устойчивую сему ʽпотериʼ. Ср., а) Похе́рить – 1. Похе́рить слово. <…> 2. Потерять. <…> 3. Убить, загубить <…> 4. Украсть <…> [СРНГ, 30: 346].

Второй корень (-сох-) в русских народных говорах фиксируется, кроме глагола *со́хнуть*, на территории Архангельской области при том, что он находится в составе слова в тексте казачьей эпитафии. С учетом фиксации произношения слова в его измененном виде в связи с историко-фонетическими процессами СРНГ отражает следующие реализации корня: а) Сохну́ть, 1. Тосковать, переживать. <…> 2. Завидовать <…> [СРНГ, 40: 83]; б) Посеха́ть, Пропускать воду, подтекать <…> [СРНГ, 30: 153]; в) Посо́х, <…> 3. Плач, причитание невесты <…> [СРНГ, 30: 198]; г) Сухуча́ться, несов. суху́титься, сов. Прятаться, скрываться <…> [СРНГ, 43: 29–30]; д) Усухо́титься, сов. Спрятаться, скрыться от кого-л. [СРНГ, 48: 129]; е) Усухуту́тить, сов., перех. Спрятать, скрыть что-л. <…> [СРНГ, 48: 129]; е) Усухуту́титься, сов. 1. Спрятаться, скрыться от кого-л. <…> 2. Усохнуть, уменьшиться в размерах (о кладке сена) <…> [СРНГ, 48: 129].

Как видно, для указанных словарных материалов интегральными семами остаются семы ‘потери’, ‘утраты’, что фиксировалось в семантике корня -хер-. Отметим семантический потенциал слова с корнем -сох- в говорах. Единицы с префиксами су- и у- вводят новую мотивирующую сему ‘скрытия’ и сему ‘уменьшения в размерах’. На территории Архангельской области семантическое расширение значения корня -сох- с денотативной нейтральной семой ‘скрытия’ мы приводим и комментируем семантическую реализацию слов благодаря материалам Электронной базы «Архангельского областного словаря», архива каб. русской диалектологии каф. русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

1. *Нар*. Скрытно, по-тихому: а) *Украде́ш но́шу се́на, ночáми, позьне́нько та́к, сухутько́м принесе́ш но́шу – та́к и корми́ли (скотину) <…> за пле́чями, а ведь быва́эт несьти́, ами́нь, далеки́м- дале́ко (ношу)*; б) Игра́ли по дере́вне усухотко́м.

2. *Сущ*. Скрытое от глаз людей место: *Щи́пьчиками коло́ли конфе́тки ы пря́тали усухотке́ <…>*.

3. *Сущ*. Игра в прятки: а) *В лапту, а та́м э́ти ф сухотки́ оди́н и́щет а фсе убира́юцца, усухотки́ называ́ли*; б) *Усухо́тилась – игра́ть в усухутки́, ф пря́тки. Дава́й игра́ть в усухутки́, пря́таца зна́чит. В усухутки́ игра́ли йеще́*.

4. *Глагол.* Спрятаться: *Спря́таца – усухýтилась, усухýтица*.

5. *Глагол*. Закопать кого-то: *Они́ усухýтили, йево́ убра́ли, заложы́ли*.

6. *Глагол*. Скукожиться, уменьшиться: *Шо́, усохýчены грибы́? Гдé было спря́тано у тебя́?*

В рамках контекста употребления слова в эпитафии корень -сох- актуализирует (в соответствии со словарными материалами) семы ‘запрятывания’, ‘устранения’ и ‘лишения’. Получается, семантическая структура корней, имеющих фонетическую разницу, тесно сплетена эксплицитными интегральными семами.

Наличие семной, пускай и неравномерной, схожести корней могла привести к тому, что автор-резчик допускает ошибку в написании слова. Он, стремясь к максимально точному выбору слова для выражения эмоциональной стороны ситуации погребения путем подбора нужного слово с требуемыми компонентами значения, решает прибегнуть к вырезанию слова, когда во время выполнения работы переключается на другое, тем самым делая ошибочное начертание. Остается только догадываться о том, какое слово первоначально было задумано и как бы выглядели слова, если бы были выполнены автором на камне по отдельности.

В эпитафиях присутствуют антропонимы, что соответствует жанровой специфике. В памят. №2 в гиперконтексте: **похесохтся прахъ оумwершаго вахтерастепано**, – не ясным остается, во-первых, где нужно поставить знак деления между фамилией и именем (**вахтера**|**степано** или **вахте**|**растепано**). В «Ономастиконе» С.Б. Веселовского и «Словаре» Н.А. Петровского нет указаний на народную форму имени *Растепан* либо на указание продуктивного префикса им. существительного ра-, который бы мог образовывать в говорах специфические формы имен. Также не удалось найти указания на неизменяемость формы имени *Вахте*, которое скорее относится к полной форме имени собственного *Вахтисий* [Петровский: 71]. Грамматически оба слова в тексте выражены формой род. пад., что объясняет флексию -а у имени собственного *Вахтера*.

Имя собственное *Фарвар*, которое в памят. №6 дано в форме притяжательного прилагательного в имен. пад., полагаем, восходит к греч.*βάρβαρος (Варвар / Варвара). Фонетически не выясненным остается звук [ф] в сильной позиции, который не должен утрачивать признак звонкости, но гипотетически в рамках исторической формы говора такое произнесении возможно с вязи с наличием позиционно аналогичных слов (к примеру, *валторить-фалторить*, *вопить-фопить* и др.).

В памят. №1 имя собственное *Мелий* от Мелентий указывается ономастиконами в народных формах: *Мелентий* [Петровский: 155], *Мелетий* [Петровский:

155], *Мелик* [Веселовский: 196], *Мелех* [Веселовский: 196]. Фонетический состав слова Мелетий по данным материалам можно оценить, с одной стороны, как наличие редукции язычного носового *н*, с другой стороны, как замены язычного [тʹ] на [к] и редукции заднеязычного звука в слабой позиции [к]/[х]. Встреченный нами вариант *Мелий* понимается как гипперкоррекционный вариант написания слова, в котором устраняются язычные, но фонетически сохраняется палатальный [j] в интервокальной позиции.

Таким образом, лингвистический анализ диалектных проявлений казачьих поминальных надписей XIX в., собранных на терском кладбище ст. Екатериноградской, позволил выявить отдельные характерные черты говора, которые сохраняются и были отмечены в ходе полевого изучения или являются проявлениями диахронной формы говора. Перспективным в работе по описанию подобных надписей разных терских казачьих станиц становится возможность сравнительного определения интегральных черт говоров в диахроническом плане, что поможет в лингвистическом определении цельности и схожести на языковом уровне этнокультурной группы терских казаков.

Анализируемые тексты:

Памят. № 1 Мѧръю младєнца Мелнѧ Вѧрвѧповѧ во…	*Памят. № 2* Здєсѣ похесохтся прахъ оумwершаго вахтера степано (берденихмна – нрзб.) пьwемъ зєметъ 1858 год(а)30 д марта
Памят. № 6 Курской губєрни(и) Нонѧ Хвѧрвѧровѧ съконъчѧвщи 1848го годѧ Іюлѧ ря (і) годня отъ родн…	*Памят. № 8* Зсєѣ по…пнчье.. (мт).. возтскаго казачьего полкѧ обздъвнои пѧтидєсѧти чкъ фокѧ контй 186..х(о)д..ннє.. скан(ча) тсѧ в Ѵотвє(ргъ)1876…

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 8 (во І – вран). М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2014. 352 с.
2. *Веселовский С.Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии / Под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина; Академия наук СССР, Отделение истории, Архив АН СССР. М.: Наука, 1974. 382 с.
3. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Академия наук СССР, Институт русского языка; издание подготовили С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
4. *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен: около 2600 имен. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л. – СПб., 1965–2021.
6. Электронная база «Архангельского областного словаря», архива каб. русской диалектологии каф. русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

REFERENCES

1. Anikin A.E. (2014). Russian Etymological Dictionary. Issue 8 (vo I – vran). Moscow. V.V. Vinogradov Russian Language Institute RAS; Institute of Philology of the Siberian Branch RAS Press. 352 p.
2. Veselovsky S.B. (1974). Onomasticon: Old Russian Names, Nicknames and Surnames / Eds.: V.I. Buganov, B.V. Levshin. Moscow. Nauka Publ. 382 p.
3. Moscow Business and Everyday Writing of the 17th century / Eds.: S.I. Kotkov, A.S. Oreshnikov, I.S. Filippova. Moscow. Nauka Publ. 1968. 338 p.
4. Petrovsky N.A. (1984). Dictionary of Russian Personal Names. 3rd ed., stereotyped. Moscow. Russky Yazyk Publ. 384 p.
5. Dictionary of Russian Folk Dialects / Eds.: F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov. Issues 1–52. Moscow; Leningrad – St. Petersburg. 1965–2021.
6. Electronic Database of the Arkhangelsk Regional Dictionary – Archive of the Russian Dialectology Office, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

Сведения об авторе:

Аркадий Алексеевич Чубчев,
бакалавр
филологический факультет
РГПУ им. А.И. Герцена

Arkady A. Chubchev,
BA
Philological Faculty
Herzen State Pedagogical University
Chubchev05@bk.ru